

Б. М. Лепешко

ПАРАДОКСАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЕГО ЭВРИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

Дорога к истине вымощена парадоксами

О. Уайльд

Один из известных американских писателей любил повторять: «Если скажешь правду, все равно рано или поздно попадешься». Парадоксальность афоризма заставляет не просто задуматься над словами-«перевертышами». Она вызывает желание понять суть проблемы, более того, она говорит о существовании проблемы там, где ранее ее наличие не подозревалось.

Парадокс лишь в последнем случае можно рассматривать как временный смысловой тупик. Во-первых, это положение, диссонирующее с общепринятыми теориями, догмами, концепциями. Это нечто, не укладывающееся в привычные нормы и оценки вследствие принципиально иного взгляда на мир, человека, процесс познания. Во-вторых, как это и утверждает традиционная логика, под парадоксом следует понимать два (как минимум) противоположных, несовместимых утверждения, для каждого из которых имеются вполне убедительные аргументы. Парадокс можно определить через «отрицательные» характеристики: данный способ мышления не приемлет «одномерного», скажем, сугубо рационального подхода. Парадокс требует выхода в сферу междисциплинарную, для него обязательным является привлечение данных ряда дисциплин и прежде всего тех из них, кто постоянно «обращен» к текстам. Парадокс, по определению, носит новаторский смысловой характер.

Можно ли утверждать, что парадоксальное мышление носит по преимуществу эвристический, поисковый характер? Польский философ Т. Котарбиньский заметил: «Кто не понимает логики, обычно не понимает и того, что он ее не понимает». Здесь одновременно присутствует как парадокс, так

и легко прослеживается многоуровневая связь между парадоксом и логикой. Но почему разделены понятия «парадокс» и «логика»? Потому, что расхождение логической теории с практикой реального мышления может обнаруживаться в форме логического парадокса.

Парадокс фиксирует противоречие в острой форме. Примером тому могут служить многочисленные афоризмы, выражающие именно данную констатацию. Достаточно известны, например, такие парадоксальные выражения: «Я не всегда разделяю свои взгляды», «Логикой можно напугать только логиков», «По сравнению с самим собой я ничто». Они выражают именно противоречие, более того, в гротескной, нарочито заостренной форме.

Парадокс не просто констатирует наличие противоположных подходов. Он призывает исследователя задуматься над многоаспектностью проблемы, над ее постоянным развитием, над той глубиной неисследованного, которая вечно притягивает любого мыслящего человека.

Но, очевидно, следует различать понятия «парадокс» и «логический парадокс». Существенной характеристикой, отличающей первое понятие от второго, является формулировка логических парадоксов в логических терминах, хотя естественно, что логические парадоксы не отделяются жестко от всех иных парадоксов. Важно отметить, что какой-то устойчивой классификации парадоксов до сих пор не предложено. Более того, множасьее количество парадоксов вызвало к жизни споры относительно дееспособности логики в части решения возникающих проблем.

Исследуя эту проблему, российский ученый А. Ивин отмечал, что наличие большого количества парадоксов говорит как раз о силе логики, а не о ее слабости. Дело в том, что парадоксами подрывается вера в то, что привычные приемы теоретического мышления сами по себе и без всякого особого контроля над ними обеспечивают надежное продвижение к истине. По

сути, парадоксы играют роль фактора, контролирующего и ставящего ограничения на пути конструирования дедуктивных систем логики.

Важно и следующее: во всей обширной литературе, посвященной парадоксам, нет единства относительно объяснения существующих противоречивых высказываний. Ни одно из объяснений не является общепризнанным, и в настоящее время упования ученых в этой сфере связаны, как правило, с возможностями математической логики.

Однако следует признать, что попытки «сциентифицировать», «онаучить» логику в части парадоксов, фактически определить ее в позитивистских категориях вряд ли продуктивны. Как нам представляется, гораздо более перспективным является путь, предложенный в свое время Б. Расселом. Как

известно, автор «Истории западной философии» объявил парадоксальные утверждения бессмысленными на том основании, что в них нарушаются требования логической грамматики. Не всякое предложение, не нарушающее правил обычной грамматики, является осмысленным, оно должно удовлетворять также правилам особой, логической грамматики.

Дело не в том, что Б. Рассел предложил универсальный путь решения парадоксов: это на сегодняшний день не является решенной задачей. Разговор об ином — о попытке решения логических проблем, прежде всего, собственно логическими, а не математическими средствами.

Потребовалось достаточно много времени для того, чтобы уяснить одну из истин: парадокс констатирует вечную неудовлетворенность человека найденными решениями. То есть можно предположить, что решения парадоксов не будут найдены и в ближайшее время. А это «передвигает» собственно логические способы решения логических же парадоксов и в сферу их философского осмысления.

Это не значит, что место логики может занять философия или филология. Это значит, что гносеологические аспекты парадоксов, парадоксального мышления можно наиболее продуктивно выявить с помощью инструментария, предлагаемого как философией, так и иными нематематическими дисциплинами.

Скажем, ответ на вопрос, связанный с универсальностью такого метода познания, как парадокс, может быть, очевидно, отрицательным. Теория научного познания предлагает сегодня достаточно широкий спектр, систему методов познания, где парадокс, парадоксальное мышление может занять свое, важное место. Однако вряд ли можно достигнуть существенных целей познания, используя исключительно парадокс.

К слову, данная постановка вопроса не является исключительно академической. Так, достаточно часто применяемой является формула, согласно которой «История учит тому, что ничему не учит». Налицо явный парадокс: очевидно, что история одновременно и «учит» и «не учит». Причем аргументы в пользу истинности как одного, так и другого тезиса могут быть предложены достаточно весомые. Однако если мы допустим, что одним из уроков истории является то, что она ничему не учит, то парадокс приобретет несколько иной характер: «История не учит ничему, кроме этого своего урока». Выход, возможно, на некоторое время будет найден. Предложено решение, которое и будет свидетельством эвристической ценности парадокса.

В этом аспекте является интересным соотношение собственно логического как осмысленного, с одной стороны, и бессмысленного, с другой. Ска-

жем, известны инвективы в адрес логики со стороны основоположников дадаизма, направления в модернизме, культивируемого в первой половине XX в. Адепты этого течения утверждали, что логика ложна, поскольку «держит за ниточки понятия, слова, взятые со стороны своей формальной внешней оболочки, чтобы сдвинуть их по направлению к иллюзорным краям и центрам. Ее цепи убивают, это тысяченое огромное существо, душашее всякую независимость» (Т. Тцара). Произнося же «дада», мы, по утверждению авторов модернистского манифеста, декларируем новую реальность.

При всей эпатажности приведенных заявлений, может даже малозначимых для современного читателя, в них можно обнаружить рациональное зерно и в контексте нашего разговора. Есть язык, а есть метаязык. То есть для решения парадокса (шире — проблемы) можно

прибегнуть к инструментарию, связанному с применением иных смысловых систем. О чем идет речь?

Если мы обратимся, например, к языку пьес Сэмюэла Беккета, то обнаружим, что в большинстве драм присутствует сбивчивая, лишенная логики прерывающаяся немотивированными паузами монологическая речь вместо сценического диалога. Речь как средство общения превращается у Беккета и в способ доказательства (одиночества людей), и в аргумент («говорение» как самоцель), и в парадокс (реальность абсурдна, поскольку абсурд реален).

Беккет предложил форму формулировки и реализации парадокса совсем в иных, не логических координатах. Но перестал ли парадокс в этом случае быть парадоксом? Уменьшились или же возросли возможности автора в процессе реализации своих идей? Ответы очевидны: «не перестал» и «возросли».

Но тем самым мы признаем, что возможности языка, которым мы оперируем, могут быть дополнены благодаря возможностям иных выразительных средств.

Так, исследователи достаточно давно обратили внимание, что известный парадокс «Лжец» есть пример смешения двух языков: языка, на котором говорится о лежащей вне его действительности, и языка, на котором говорят о самом первом языке. Вспомним этот парадокс. «Я лгу», — говорит человек. Если высказывание ложно, то говорящий сказал правду, и значит, сказанное им не является ложью. Если же высказывание не является ложным, а говорящий утверждает, что оно ложно, то это его высказывание ложно. Оказывается, таким образом, что если говорящий лжет, он говорит правду, и наоборот.

Обычно мы редко проводим разницу между неким утверждением («Эта машина красива») и высказыванием («Верно, что эта машина красива»). Хотя первое говорит о машине, а второе — о высказывании относительно маши-

ны. Но в науках, специальных дисциплинах вполне возможно осознанное разделение таких понятий. Говоря иными словами, нужно дополнять язык, которым мы оперируем, выражениями, которых в нем нет, но которыми, возможно, пользуются другие языки (немецкий, английский и иные), которые, возможно, разрабатываются специально (арго, инвективы, профессиональная терминология спецдисциплин) либо складываются стихийно.

В XX в. европейские логики пришли к единому выводу: один из путей для устранения антиномий — отказ от употребления семантически замкнутого языка. Можно ли считать подобный вывод окончательным решением проблемы парадокса? Как уже говорилось, слово «окончательный» в контексте парадокса вообще неприемлемо. Целесообразно говорить о промежуточных ступенях решения проблемы.

Чтобы подтвердить или опровергнуть положения, о которых шла речь, обратимся к сфере конкретных наук, в частности к истории.

На первый взгляд проблема парадокса в историческом исследовании не существует вовсе. Аргументов в пользу этого тезиса можно привести несколько: и тот, что встречается данная логическая форма в трудах историков достаточно редко, и внепроблемный, констатирующий характер многих парадоксов, и трудность применения данных логических средств в эвристическом плане.

Однако это действительно констатация «на первый взгляд». Отметим, что парадоксальность мышления — большой дар, в том числе и для историков. Дар, который наиболее часто может применяться при постановке новых проблем, при преодолении исторических шаблонов, в случае дискуссий и теоретических прорывов, в том числе и в концептуальном плане.

Разве не был парадоксальным в постановке новых теоретических проблем Лев Гумилев? Откройте «Открытие Хазарии». Парадоксы используются историком в первую очередь для постановки проблем. Но не только. Автор в парадоксальной форме формирует гипотезы, опровергает сложившиеся стереотипы, заставляет задуматься, казалось бы, над очевидным.

Приведем некоторые свидетельства. Скажем, в нашем историческом сознании бытует плохое отношение к печенегам. По этому поводу ремарка Л. Гумилева: «Подумать только, сколько исторического хлама несем мы в своем сознании, даже не подозревая об этом. Мы мыслим привычными категориями симпатий и антипатий, совсем забыв о том, как и почему они возникли,

даже не думая о том, насколько они справедливы. К примеру сказать: печенегов победил Ярослав Мудрый, и зла они наделали на Руси куда меньше, чем половцы или ногайские татары».

Однако парадокс — не самоцель. В той же работе («Открытие Хазарии») историку принадлежат такие слова: «Читая доклад в ученом собрании, никогда нельзя быть уверенным в успехе. Есть риск показаться парадоксалистом, стремящимся к оригинальности и только ради этого пренебрегающим привычными нормами научного исследования».

То есть историк вполне понимает и принимает ценность парадоксального мышления, однако видит границы применения этого метода исторического исследования и возражает против его применения в качестве самоцели.

Если перевести эти размышления историка на формализованный язык, то мы получим, с одной стороны, формирование проблемы, с другой — формулирование гипотезы, с третьей — парадокс как способ понимания проблемы и гипотезы, с четвертой — собственно доказательство.

Если взять еще одну работу Л. Гумилева — «От Руси до России», то легко обнаружить парадоксальные реминисценции совсем в духе А. Тойнби, о котором мы еще будем говорить.

И если бы Лев Гумилев был исключением! Приведем только одно замечание О. Шпенглера из его очерков морфологии мировой истории («Закат Европы»): «Человек, подобный Канту, всегда будет чувствовать свое превосходство над Бетховеном, как взрослого над ребенком, что не помешает, однако, Бетховену отвергнуть «Критику чистого разума» как убогий способ мировоззрения».

Но важнее для нас анализ некоторых взглядов А. Тойнби. Конечно, ключевым методом для английского историка была аналогия, с которой читатели работ ученого встречаются на каждом шагу. Однако немаловажное место в арсенале способов освоения исторической действительности занимал и парадокс.

Дело в том, что парадокс у А. Тойнби — это способ постановки важнейших методологических постулатов. Возьмем в качестве примера известнейшую концепцию «одновременности цивилизаций».

Вначале послушаем самого историка. «В 1914 году, — писал А. Тойнби в статье “Мой взгляд на историю”, — во время отдыха в Скандинавии я размышлял о творчестве древнего историка Фукидида и мне пришла в голову мысль: «Фукидид и его поколение по историческому опыту стояли на более высокой ступени времени, собственно, его настоящее соответствовало моему будущему». Поэтому «мой мир и мир Фукидида являются современниками».

Что и говорить, парадоксальная констатация связи времен и их хронологической последовательности. Но что хотел доказать А. Тойнби такого рода

констатацией? Только одно: концептуальную важность методологического положения, согласно которому «цивилизации одновременны». Добился ли он этой цели? Вне всяких сомнений. Ибо при всем критицизме является общепризнанной эвристическая ценность осуществленного А. Тойнби подхода. Следовательно, парадоксальное мышление сыграло свою важную роль в процессе исторического познания.

Тот же принцип лежит в основании концепции «ухода-и-возврата». Обнаруживая мотив «ухода-и-возврата» и в духовном опыте мистицизма, и в жизни растительного царства, и в размышлении человеческого ума о смерти и бессмертии, историк заключает, что это мотив «космического масштаба», представляющий форму выражения универсальных истин.

В целом можно предположить, что парадокс в исследовательских работах историков представляет, главным образом, парадокс — постановку проблемы. Но не только. Формулируются парадоксы, обостряющие проблему. То есть это такие парадоксы, в которых общепризнанное подвергается сомнению благодаря выделению, обособлению некоего одного качества, одной характеристики.

С другой стороны, может быть сформулирован и парадокс-развязка, парадокс-предложение. В этом случае антиномия предполагает уже апробированное разрешение. Скажем, автор формулирует парадокс и тут же предлагает форму его разрешения.

Исходя из сказанного очевидно, что парадоксов нет смысла избегать так, как избегают логических ошибок. Парадокс может играть и играет важную роль в эвристическом процессе. Другой вопрос: надо ли и как именно разрешать парадоксы, устранять их?

Устранить парадокс из некоторой теории — значит перестроить ее так, чтобы парадоксальное утверждение оказалось в ней недоказуемым. Учитывая, что каждый парадокс опирается на некоторые определения, аргументы, можно подвергнуть сомнению любой из этих аргументов или определений, отбросить их и тем самым устранить парадокс. Однако важно не просто отбросить парадокс как нечто ненужное. Речь идет о том, что парадокс означает необходимость внесения изменений в само наше мышление, символизирует движение к какому-то новому пониманию сути вещей и процессов, ревизии способов аргументации.

Парадокс, даже если он не разрешим, можно представить в иной форме, предложить какие-то альтернативные решения. Уже упоминавшийся пример с «историей, которая ничему не учит» может служить подтверждением такой постановки вопроса.

Подытоживая эту часть разговора, заметим, что новое знание, в том числе и историческое, очень часто начинается с парадокса. Это, безусловно, вовсе не означает утверждения некой глобальной роли данного логического инструментария в историческом познании. Это служит констатацией того простого факта, что чем шире арсенал средств, к которым прибегает исследователь, тем более эффективными могут быть результаты его работы.

К слову, всё вышесказанное можно отнести и к софизму, хотя нельзя не признать, что историки достаточно редко и в целом неохотно обращаются к ним. Возможно, потому, что софизм традиционно трактуется как умышленный обман, а таких задач перед собой исследователь не ставит. Очевидно, что софизм — ложная мысль. Однако остановиться на этой констатации значит погрешить против многовековой традиции использования софизмов. Ведь не секрет, что к софизмам прибегают сегодня так же, как и тысячи лет тому назад. Вряд ли это связано только и исключительно с «игрой ума», желанием пошутить или блеснуть эрудицией. Впрочем, это уже тема отдельного разговора.

Естественно, встает вопрос о возможностях и границах применения парадоксального мышления в гносеологической практике, его эвристических функциях.

Представляется, что первым пунктом наших размышлений по этому поводу может стать констатация того факта, что парадокс вполне приемлем на основе господствующей ныне в обществе мировоззренческой растерянности, не прекращающегося поиска новых методологических констант, формулировании принципиально новаторских теорий. Другими словами, парадоксальное мышление «вписывается» в современную общественно-политическую, мировоззренческую, научную практику именно в связи с парадоксальностью многих процессов. Простой пример: вряд ли можно назвать парадоксальным кризис марксизма и соответствующих идеологий, но приобретает черты парадоксальности то внимание, которое оказывают концепциям Маркса современные западные обществоведы. Парадоксально то, что определенная апология Маркса приобретает характер системного действия не со стороны учеников советских научных школ, а представителей западных советологических центров.

В свое время историзм основывал собственное научное самосознание на признании методологической независимости от естественнонаучных методов, которые через различные позитивистские теории проникали в общественные науки. В своих исследованиях он стремился добиться ощутимых, масштабных результатов, чтобы доказать свое методологическое пре-

имущество, и получил всеобщее признание именно потому, что его теория исторической индивидуальности была полностью созвучна политическому настроению времени, которое приписывало национально-индивидуальному величайшую ценность.

Точно так же и в наше время: ломка устоявшихся методологических стереотипов, новая атака со стороны адептов постпозитивистских концепций, постмодернистские веяния, активные мировоззренческие поиски приводят к усилению концептов, основанных на противоречивых, спорных, проблемных данных.

Парадоксальное мышление сегодня вырастает из усиливающегося понимания невозможности найти определенные ответы на теоретические вызовы современности. Попытки

призвать на помощь математику, логику оправданы, но в узких пределах, положенных собственно предметами данных наук. Парадокс, вырастающий на стыке логики, математики, философии, психологии и филологии, может, на взгляд ряда ученых, сыграть важную роль в познании.

Парадокс также может выступать методом познания, если под последним традиционно понимать путь, способ освоения окружающего мира. Примеры, приведенные выше, убеждают нас в этом. Однако парадокс, парадоксальное мышление не должно выступать самоцелью, когда искусственное формирование противоречий заменяет собственно логику действий исследователя. Парадокс должен служить разрешению конкретных познавательных задач, и в этом случае его эвристическая роль достаточно высока.

Современный призыв к использованию парадоксов, к поддержке парадоксального стиля мышления — это в первую очередь призыв к использованию максимального количества логико-методологических средств, преодолению ненужного консерватизма в мышлении, умению подвести под всеобщее пугающе разросшийся эмпирический материал.

Можем ли мы утверждать, что применение метода парадоксальной постановки научных целей и задач, формулировка соответствующих гипотез, проблем напрямую привела к осязаемым исследовательским результатам? Нет, это мы утверждать не можем.

Но можем ли мы утверждать, что парадоксально сформулированная проблема, парадоксальная форма изложения материала, парадоксальное мышление и парадоксальный язык способствовали достижению важных познавательных задач? Да, это утверждать мы можем.

В целом надо заметить, что в отечественном общественном знании логическая проблематика достаточно часто ассоциируется исключительно с отве-

тами, с некой истиной, данной раз и навсегда. Но логика — это и вопрос, это и проблема, это даже софизм. И парадокс в этом смысловом ряду занимает одно из первых мест.

Рассмотрим сказанное на примере обращения к такой популярной сегодня категории, как «демократия».

Английский логик, математик, философ Бертран Рассел сформулировал такую мысль: «В демократии честный политик может быть терпим, только если он очень глуп. Ибо лишь очень глупый человек может искренне разделять предрассудки большей половины нации».

Американский эссеист Г. Л. Менкен, в свою очередь, обронил такую фразу: «Сказать, что лучшее средство от пороков демократии — больше демократии, все равно, что сказать: лучшее лекарство от преступности — больше преступлений».

И еще одно замечание Бернарда Шоу: «Демократия — это воздушный шар, который висит у вас над головами и заставляет глазеть вверх, пока другие люди шарят у вас по карманам».

Оспаривать эти парадоксальные замечания можно. Например, путем применения известного логического требования, согласно которому из ложных посылок нельзя вывести истинное знание. В частности, замечание Бернарда Шоу можно принять в том случае, если мы согласимся с определением демократии как воздушного шара. Очевидно, что это не так.

Точно так же можно оспорить и парадоксальные ремарки Б. Рассела и Г. Л. Менкена. Но ведь ясно и другое: ни один из названных авторов не стремился к строго формальному изложению замечаний, относящихся к феномену демократии. Цель в данном конкретном случае была совершенно иной: в парадоксальной, афористической форме привлечь внимание к той или иной детали, характеристике современной демократии.

О чем это говорит? О том, что необходимо достаточно осторожно подходить к определению парадокса и попыткам его решения с оценочной точки зрения. В данном случае ценностный подход неприемлем. Продуктивной может быть попытка осмысления парадоксов именно с точки зрения эвристической, поисковой. Мысль движется в рамках антиномии не для того, чтобы придать этой антиномии догматический характер, а для того, чтобы нащупать «развязку» этой антиномии. Хотя надо признать, даже формулировка антиномии имеет несомненную эвристическую ценность.

Среди «конкурирующих» парадоксов, антиномий предпочтение дается тем, которые обладают большим потенциалом эвристичности. С логической точки зрения это означает, что эти парадоксы более информативны, дают

возможность выведения из них более широкого круга следствий. Можно даже предположить, что парадоксы в процессе развития знания меняют свою форму, конкретизируются, становятся не менее противоречивыми, а более обоснованными.

В этой связи правомерен вопрос об эвристических функциях парадокса, парадоксального мышления в целом. Подытоживая сказанное, можно сформулировать следующие выводы.

Парадокс правомерен постольку, поскольку отражает противоречивость мира, природы, мышления. Парадокс «вырастает» из антиномичности сущего точно так же, как иные диалектические категории.

Однако парадокс сам по себе — не самоцель. Закрепление противоречий не является функцией парадоксального мышления. В каком-то смысле будет правомерным утверждать, что парадокс есть «ступенька», по которой наше мышление «поднимается» к новым формам осмысления действительности.

Однако в этом случае мы должны оговорить одну немаловажную деталь. Дело в том, что парадокс, который не является самоцелью, обладает несомненной самоценностью. В том смысле, в каком для нас может быть важна форма, а не содержание.

Однако эвристические функции парадокса как средства, формы логического освоения действительности не сводятся к констатации его противоречивости. Это было бы слишком элементарно. Речь идет о том, какие логические следствия могут последовать из этой констатации. Более того, мы можем и должны говорить о возможностях интерпретации парадокса в познавательных целях.

Парадокс не запутывает суть дела. Он заставляет проблему открываться новыми гранями и тем самым способствует ее решению.